

Иван Зорин

ВРЕМЯ
СОМНАМБУЛ

ФТМ

Иван Зорин
Время сомнамбул

«ФТМ»

2017

Зорин И. В.

Время сомнамбул / И. В. Зорин — «ФТМ», 2017

ISBN 978-5-4467-3309-5

Роман российского писателя и публициста Ивана Зорина «Время сомнамбул» – роман о современной русской деревне, в которой началась эпидемия неизвестной болезни больше всего напоминающей лунатизм. Один за другим жители впадают в сомнамбулическое состояние, продолжая привычную жизнь в плену сна. В оформлении обложки использована картина Владимира Любарова «Лунатики» (2006).

ISBN 978-5-4467-3309-5

© Зорин И. В., 2017

© ФТМ, 2017

Иван Зорин

Время сомнамбул

В оформлении обложки использована картина Владимира Любарова «Лунатики», 2006.

* * *

Моей матери

Скорее всего, вирус занесли птицы с островов Ледовитого океана или даже с небес, как утверждал местный священник, а иначе откуда ему было взяться в городе, затерянном в медвежьем углу Крайнего Севера. Город вырос из рыбацкого посёлка, летом, по большой воде, как называли здесь океан, в него прибывали баржи, гружённые одеждой, консервированными овощами, ружьями, патронами – короче, всем необходимым для жизни в суровом климате, а забирали они уловы трески, ящики с мороженой камбалой и туши битых тюленей. Моряки сходили на берег, с неделю проводили в городе, шатаясь по кафе, покоряя сердца малочисленных незамужних северянок. Но болезнь пришла весной, лёд ещё стоял незыблемо, а полярная ночь едва отступила. Опять же летом, когда на короткое время пробуждалась жизнь, в город забредали партии геологов, так что занести вирус они тоже не могли. Тогда бы эпидемия вспыхнула ещё осенью. Конечно, у болезни мог быть долгий инкубационный период, и она могла проснуться вместе с первыми лучами солнца. Так вполне могло быть в другом месте, но не за Полярным кругом: какой микроб переживёт долгую зиму, когда температура опускается до минус сорока и от жестоких морозов лопаются уличные градусники, осколки которых тут же уносит ледяная стужа. Возможно, вирус прятался в какой-то доисторической рыбине, вытащенной из глубин крупной ячеистой сетью вместе с обычными видами океанских рыб, а на заводе, где за версту стоял невыносимый запах разделываемых тушек, на неё не обратили внимания, и, вместо идущих на экспорт консервов, пустили в какую-то местную забегаловку. Так вспыхнула эпидемия, в то время как на тысячи километров вокруг, в белой бесконечной тундре, сколько хватало глазу, и даже южнее, где уже выросли города, всё теснее жавшиеся друг к другу, ни о чём подобном не слышали. И это тоже говорило в пользу того, что вирус не мог занести человек. «Воля небес, – вздыхал позже священник, в одиночестве молившийся посреди единственного в городе рубленого храма. – Воля небес». Многие, особенно женщины, считали, что он прав, тихо крестились перед домашними иконами, но в церковь не шли, боясь заразиться. Что теперь гадать? Случилось, что случилось. Болезнь стала фактом. И этот факт был налицо.

Но – всё по порядку.

Первого заболевшего звали Сашок Неклясов, но что с того, какое имя дали ему родители и как к нему обращались до эпидемии, если вирус отбивал память, и вскоре он превратился сначала в первого заболевшего, а потом просто в Первого. Неклясов был молодым, сильным мужчиной, в одиночку ворочал на берегу свою лодку, как и большинство в городе, промышлял рыбной ловлей, и также, как и большинство, слыл любителем выпивки. В кафе он мог на спор выпить, не отрываясь, бутылку водки, а если за это ему не платили, пускал в ход огромные кулаки. Просолённый морем, закалённый ветрами Первый выдубился крепкими напитками, но ни они, ни лошадиное здоровье не спасли его. Ни с того ни с сего он стал всё дольше спать – впрочем, ничего удивительного, что ещё делать в сумерках короткого дня, – возвращаясь изрядно набравшимся из кафе, растягивался, не раздеваясь, на постели из оленьих шкур и, не снимая сапог, храпел. Сутками напролёт. А однажды лунной ночью встал и, широко раскинув руки, точно слепой, двинулся вдоль улицы под бешено раскачивавшейся гирляндой фонарей, вокруг которых мошкаррой вился снег. Не обращая внимания на вихрившиеся от ветра

сугробы, с опущенным у полушубка воротником и завязанными наверху ушами лисьей шапки, словно не ощущая холода, он ловил в объятия редких прохожих. Те со смехом шарахались, избегая его бессвязных речей, мало ли что несут напившиеся рыбаки, тут и драка дело обычное, и никто не подумал о лунатизме. Первый жил один, в сокращавшиеся мгновенья просветления о своих прогулках ничего не помнил, а рассказать ему о них было некому – после полярной ночи каждый чудит как может, да и отношения с ним сложились не те. Прошла неделя, прежде чем болезнь дала о себе знать с новой силой. Вместе со всё дольше зависавшим на небе солнцем стали замечать сходные признаки этого недуга у соседа Первого, с которым тот обнимался чаще, чем с другими. Вадим Петрович Варгин, почтенный отец семейства, мужчина с серебрившимися висками и окладистой бородой, был хозяином двух рыбацких баркасов. Выходя в море, он привозил трески в два раза больше других, и, несмотря на то, что со всеми общался запросто, в душе гордился своим положением. Вадим Петрович был старожиллом, принадлежал к основателям города и остался жить в старом рыбацком посёлке после того, как большинство из него уже переехало. Однако его огромный бревенчатый дом, открытый для всех благодаря радушию хозяина, выделялся среди чахлах лачуг. В городском совете, куда он входил уже не одно десятилетие, с его мнением считались, если не сказать, что во многих вопросах оно было решающим, и как следствие этого, Варгин был на виду. Так что, когда он резко сменил образ жизни, это не прошло незамеченным. Теперь, против обыкновения, он не вставал ни свет ни заря, чтобы заняться хозяйством, требовавшим бесконечных забот, а спал целыми днями, зато ночью бродил в одиночестве по берегу, продуваемому всеми ветрами. Это вам не какой-то одинокий выпивоха. Хотя он шёл в точности так же широко расставив руки, шатаясь от вьюги, но с поразительной точностью обходя сугробы. Случалось, он сворачивал в кривые тесные переулки, попадая в тупики, разворачивался, точно зрячий, хотя глаза его были всё время закрыты, и только веки слегка подрагивали, словно у ребёнка, водящего в прятки. Его жена забила тревогу. Она потащила мужа к врачу, который встретил их взглядом, в котором читалось: «Ну, что стряслось?»; а потом, когда жена сбивчиво объяснила, стал обстоятельно выпрашивать Вадима Петровича, что же с ним творится, где болит, может быть, голова или шея, и чем он сегодня обедал, многозначительно кивал, точно ответы ему что-то проясняли, а потом, опустив пальцами набрякшие мешки, долго вглядывался в глаза, влажные, плачущие, заволоченные белой пеленой, точно надеясь прочесть в них разгадку, при этом не прекращая выяснять, что пришедший чувствовал ночами на промёрзших улицах. Варгин ничего не помнил. Он только поглаживал бороду и неопределённо качал головой.

– Какая-то разновидность лунатизма, – выпроваживая супругов, вынес приговор врач. – Пройдёт, это не опасно.

– Не опасно, – хмыкнул муж. – Тебе легко говорить, не у тебя же такое.

Жена на пороге растерянно обернулась.

– Вы уверены, доктор?

Ей требовалась поддержка, и врач, как и все люди его профессии, убеждённо кивнул.

– А это... это не заразно?

Мельком взглянув на мужа, она покраснела.

– Лунатизм? Первый раз слышу, чтобы он был заразным. Это же не сифилис.

Врач рассмеялся грубоватой шутке, которую отпустил намеренно. Он был страстный болельщик и думал только о том, что футбол по телевидению уже начался. Да, он слишком долго провозился с гостями. Закрывая дверь, Вадим Петрович снова хмыкнул, точно прочитал его мысли.

– Не заразна, – сказал он жене, передразнивая интонации доктора, – смерть тоже не заразна, а все умирают.

Он не хотел её напугать, но ему самому было страшно. Он точно почувствовал, что, выйдя в ночь, стал Вторым. Поделившись страхом, он надеялся, что ему станет легче, однако,

увидев искажённое лицо жены, пожалел о своих словах. Сглаживая их, он обнял её за плечи и смешно крикнул, как делал всегда, веселя детей. Жена улыбнулась. «Делает вид, – подумал Варгин. – Интересно, за кого больше трясётся, верно, за себя». Ему стало невыносимо одиноко, и то же странное чувство снова укололо его. Да, он стал Вторым.

Что доктор ошибся, стало ясно уже через день – болезнь оказалась заразной. Её подцепила жена Варгина. Первая из женщин, она стала Третьей в списке лунатиков, которым предстояло заполнить город. Теперь супруги вместе шатались в ночи под низкой, искрившей снег луной, изредка перебрасываясь бессмысленными фразами. Правда, чтобы уловить в них отсутствие смысла, их надо было слышать. А супруги друг друга не слышали. «Может, вы и раньше были глухи друг к другу, – усмехнулся про себя врач, – только не замечали». К нему супругов привели дети, заметившие ночное отсутствие родителей. И опять начались расспросы, теперь доктор отнёсся, правда, куда внимательнее: что же всё-таки стряслось? раньше ничего подобного не наблюдалось? были ли в роду страдавшие сомнамбулизмом? – и даже: не проверялись ли вы на сахарный диабет? на атеросклеротические бляшки? а на венерические заболевания? – тут доктор несколько смутился, почувствовав, что перегнул, но не расписываться же вот так, сразу, в своей некомпетентности, нет-нет, ради собственной репутации стоило немного их помучить, тем весомее, тем значимее будет его диагноз, пусть и весьма размытый.

– Это, бесспорно, лунатизм, – сказал наконец он, получив на свои вопросы отрицательные ответы, и сжал кулаками висевший на шее фонендоскоп. Он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена, но, увидев на лицах невыразимое отчаяние, посчитал нужным быть чуточку откровеннее: – Случай медицине неизвестный. По крайней мере, мне, я не специалист.

Выпустив фонендоскоп, врач с притворной виноватостью развёл руками. На мгновение замерев, он молча посмотрел в глаза пациентов, стараясь не мигать, и, посчитав, что этого вполне достаточно для выражения сочувствия, которого не было и в помине, выписал супругам снотворное – одно на двоих. Дети у Варгиных были уже взрослыми, старший сын завёл машину, на которой привёз родителей, а младший, пока брат до побеления суставов вцепился в руль, усадил их на заднее сиденье – номера Второго и Третьего. Оставшись один, врач посмотрел в зеркало, запустив пятерню в редевшую шевелюру, подумал, что состарился, так никуда и не вырвавшись из этой проклятой глуши, куда попал после университета и откуда уже на следующий день мечтал убежать хоть на край света, выбраться любой ценой, бросив всё – и ненавистный кабинет, и бесконечных, унылых пациентов, одних и тех же, которых потом встречал на улицах – а куда деваться, в этой захолустной дыре не разминёшься, – и ему стало до слёз жаль себя. Потом он вспомнил супругов-лунатиков, скривился, пожалев, что не сказал им пары слов в качестве банального утешения, как того требовала врачебная этика, про которую он давно забыл – а кто виноват? опять же эта чёртова дыра! – продлевая движение, пятерня почесала затылок: а всё-таки, что это за ерунда такая? Этот вопрос, такой естественный для любопытного студента, каким он был, обычный даже для мало-мальски уважающего себя медика, не задавался им уже много лет. Нет, надо всё же сделать им энцефалограмму или направить на магнитно-резонансную томографию. Да, пусть просветят им головной мозг. Покажет что, или не покажет, но он обязан их проверить, хотя бы для очистки совести. Но завтра, завтра. Внезапно вздрогнув, врач отскочил от зеркала: и как он мог забыть – сейчас идёт футбол!

На обратном пути Варгины ехали в угрюмом сосредоточенном молчании и, не сговариваясь, завернули к Неклясову – как-никак сосед первым проторил дорожку, на которую они ступили, и, глядя на него, можно было представить, что их ждёт. Утаптывая на крыльце снег, они с полчаса звонили, стучали, колошматили сапогами по раздолбанной двери, так что она тряслась под ударами, готовая сорваться с петель, но никто так и не открыл. Припав к заиндевевшему стеклу, услышали слабое шуршание – по полу безбоязненно скреблись крысы. Сквозь оттаявшее пятно в темноте разглядели силуэт человека на постели – неподвижного, как в летаргическом сне. Младший сын хотел было выбить окно.

– Живой, – остановил его отец. – Мертвеца бы крысы жрали.

Махнув рукой, он зашагал к машине. Сын снова сел за руль.

– Вот что, – откинувшись на сиденье, глухо сказал человек, ставший Вторым, – привяжите меня сегодня к кровати.

– Вместе со мной, – эхом отозвалась Третья.

Так и сделали. Но это не помогло. Всю ночь супруги ворочались, ёрзая под одеялом, пытались перегрызть толстые корабельные верёвки, и дети слышали, как они выли, словно волки на луну. Но хуже было другое, нечто постыдное – непроизвольное мочеиспускание, будто к обоим вернулся детский энурез, которого на самом деле раньше и в помине не было, так что утром пришлось перестилать мокрые простыни. Это делали дети, самих супругов подобная мелочь уже не раздражала, они относились ко всему с нараставшим равнодушием, а в их молчании слышалось: подумаешь, пустяк.

Во вспышке лунатизма пока не видели ничего угрожающего, хотя слухи о нём разлетелись по городу.

– Подумаешь, бродят ночами, – смеялся в пивной Иван Грач, охотник на полярных волков, известный балагур. – И не такое видали. Возьму их в следующий раз с собой в тундру, чтобы не скучать. Или этого выпивоху, Неклясова, с которым недавно раздавили поллитровку и потом ещё добавили, пока не допились до чёртиков.

Полжизни Грач провёл среди льдов, бродя по исхлётанной ветрами равнине, и, ночуя летом в чахлах зарослях карликового колючего можжевельника, росших на белёсых проплешинах ягеля, считал это за счастье. Возвращаясь из далёких экспедиций с ворохом волчьих шкур на санях, он шёл в пивную и, вознаграждая себя за длительное молчание, трещал часами со случайными посетителями, которым заблаговременно, чтобы им было неудобно уйти, покупал выпивку. Он попадал в массу переделок, о которых мог рассказывать до закрытия пивной, несмотря на отсутствующие взгляды и подавленные зевки. Грач был рубаха-парень, свой в доску, готовый прийти на помощь в трудную минуту, и, услышав про Варгиных, не откладывая, отправился из пивной в огромный сруб на берегу. «Неужели всё так плохо? – готовил он речь по дороге. – Не сердце же, тьфу-тьфу, не опухоль какая, в конце концов, ночные прогулки полезны – и воздухом подышишь свежим, и жирок растрясёшь». Настраиваясь на подобный тон, он заготовил ещё несколько шуток, которые вылетели из головы, когда он увидел мятое, будто со сна, лицо Второго.

– Что, так плохо? – только и смог пробормотать он, едва поздоровавшись.

– Отдал бы половину оставшейся жизни, чтобы избавиться от этого, – устало сказал Второй. Он всего-навсего зевнул. Обнажились жёлтые, редкие зубы. Потом ещё раз, уже дольше. Но этого хватило, чтобы Грач мгновенно вспотел.

– Ну, отдыхай, а я, пожалуй, пойду.

Грач выскочил, забыв на вешалке свою ушанку. Всю дорогу он не мог успокоиться, перед ним стояло сонное лицо, кривившейся в бесконечной зевоте рот. Хмель из него давно выветрился, дома он налил себе водки, опрокинув целый стакан, но не мог взять себя в руки. Он машинально включил телевизор, что уже давно не делал. Шёл какой-то детектив со стрельбой. Грач считал такие фильмы детски наивными, но сейчас не мог понять, в чём там дело. Его мысли блуждали, как пьяные, он не мог сосредоточиться, чего раньше за ним не наблюдалось даже в самых отчаянных передрыгах. Грач прибавил громкость, доведя до отказа. Но и это не помогло. В полночь он вдруг почувствовал, что смертельно устал, и, рухнув на диван, уснул, так и не выключив продолжавший орать телевизор. Иван Грач подхватил вирус четвёртым. От Неклясова, с которым накануне распивал поллитровку. Его попадания в разряд лунатиков было не скрыть, и о болезни уже говорил весь город. Однако потом всё стихло, и следующая неделя прошла спокойно. Случаев заболевания больше не наблюдалось, или, как решили потом, её симптомы оказались скрытыми для нетренированных глаз, и разговоры мало-помалу начали

стихать. Но здесь-то и грянул гром. Казалось бы, прошло время, и ничего не предвещало новой волны заболевания, и тут на тебе – вирус захватил сразу троих собутыльников Грача, перед которыми он храбрился в пивной. Болезнь взорвалась с опозданием, когда не ждали, точно бомба замедленного действия, поразив также семьи этих троих. А потом началась цепная реакция. Болезнь оказалась заразной, как ветрянка. А хуже того – она прогрессировала. Неклясов, заболевший первым, в обычном понимании уже не просыпался и не засыпал, всё время пребывая на зыбком пограничье сна и яви, которые не различал. Живя в полудрёме-полубодрствовании, он всё делал механически, инстинктивно, по-прежнему выполняя кое-какие обязанности по дому, привитые десятилетиями привычки прочно засели в углах его подсознания – надев пропахшие рыбой резиновые перчатки, он потрошил треску с поразительной точностью, ни разу не порезавшись острым разделочным ножом, который бросал тут же, рядом с чугунной сковородкой, когда начинал жарить на ней белые кусочки филе, не забывая ни вывалить их в муку, ни посолить, ни полить прежде раскалённую посудину подсолнечным маслом. При этом рук он не чувствовал, они были словно не его, прямо какие-то руки-крюки, отказывавшиеся подчиняться, однако чудесным образом делавшие всё сами по себе. Болезнь у него вступила в хроническую фазу, когда ни она не могла одолеть организм, ни он её. И Первый жил в полубессознательном состоянии, как все лунатики, но приступ у него занимал теперь всё время, не проходя ни днём, ни ночью. Он двигался, как зомби, а когда его трясли за плечо, пытаясь разбудить, инстинктивно сбрасывал руку. Если с ним разговаривали, он отвечал невпопад, будто спросонья, но изредка в его словах проскакивал здравый смысл. И это было тем чаще, чем примитивнее были вопросы. Можно сказать, Первый превратился в недоразвитого ребёнка, появившегося на свет с синдромом Дауна, однако приобретённые за жизнь навыки выдавали в нём взрослого. Пить он не бросил. Как и раньше, наклонив огромную бутылку, наливал в стакан самогон, или шёл в кафе, где бубнил невнятные слова, подкрепляя их жестами, по которым можно было догадаться, что он требует водки, а когда ему отказывали, грязно ругался. Всё было совсем как прежде, когда он напивался. Только теперь дело не доходило до драк – слишком медлительны стали его движения, а реакции – сонными. Боясь заразиться, Первого гнали, суеверно глядя на закрывшуюся дверь, ведущую в лунную ночь. Этой же дорожкой за Первым пошли и другие сомнамбулы. И всегда было одно и то же. Когда им сообщали, что в неверном свете звёзд они шатались, широко раскинув руки, недоумение на их лицах сменял ужас. Они отчаянно трусили. Приходя ко врачу, просто тряслись от страха. Для вида врач осматривал их, предлагая раздеться, ощупывал лимфатические узлы, трогал живот и направлял на МРТ. Уходить, однако, они не торопились.

– Может, таблетки какие пропишете, доктор? Или микстуру.

Они смотрели, как побитые собаки. Отчаяние просто сочилось из их глаз. Врач деловито вздыхал.

– Я не могу действовать вслепую, пока нет заключения МРТ, ничего определённого сказать нельзя.

Те, кто были поупрямее, не отставали.

– Но делать-то что?

– Пока больше отдыхайте, не перерабатывайте, во всяком случае, и старайтесь меньше нервничать.

На этом обычно приём заканчивался.

– Да как же тут не нервничать! – всплеснула раз руками одна худая, с проступавшими рёбрами, женщина. – Вам бы такое, а вы ничего не предлагаете!

«Истеричка», – подумал врач. Он сел за стол, но она не уходила, заставив его импровизировать.

– Я уже сказал вам, что делать до МРТ. Повторить? – Она отрицательно мотнула головой. – Займитесь собой, встречайтесь со старыми друзьями, завяжите новые знакомства,

готовьте себе что-нибудь вкусное, хорошее питание, прогулки на свежем воздухе и... – у него чуть не сорвалось «здоровый сон», хотя и «прогулки»-то были лишними, – э-э... – он на мгновение смутился, – будем надеяться, всё пройдёт и без медицинского вмешательства.

– Вы правда в это верите, доктор?

– Конечно. Главное, не терять надежды. Ваш случай, похоже, типический.

Он произнёс это убеждённо. Женщина наконец ушла, а он подумал, зачем соврал. И о том, что говорил лунатикам, приходившим раньше. Их очередь не кончалась, а он повторял это из дня в день, те же слова, всю сцену, в которой был единственным актёром. Он довёл её до автоматизма, так что она ему обрыдла, просто сидела в печёнках. Так зачем он лгал? Он же был уверен, что МРТ и в этом случае ничего не покажет.

Лунатизм забирал медленно, но верно, и через неделю после заражения они уже не понимали, что больны, не отдавали отчёта в произошедшем с ними, убеждённые, будто так было всегда. Их становилось всё больше. В случайное совпадение уже никто не верил. Перечисляя заражённых, сбивались со счёта, впадая от этого в отчаяние. И разговоры в кафе были только о них.

– Ничего удивительного, – близоруко щурясь сквозь толстые очки, говорил школьный учитель, преподававший в городе биологию и по совместительству историю, – птица-фрегат совершает без посадки многомесячные перелёты, продолжая парить и во сне, а волки, случается, спят на бегу. Это называется дробный сон. Природа предусмотрела жизнь с отключённым сознанием. Да и что такое сознание? Это штука тонкая. У одних оно одно, у других – другое. У насекомых вообще есть только нервные окончания. А у млекопитающих мозг разный, как по объёму, так и по количеству извилин. Как составить шкалу сознания? И как определить меру интеллекта? – Ему крутили у виска, но он, поправив на переносице очки, гнул своё. – Известны случаи, когда солдаты во время длительного марш-броска засыпали на ходу – вот только что они шли лесом, и вдруг – поле. А Будда вообще считал, что большинство людей проводит жизнь во сне, делая всё по инерции, автоматически, а пробудившихся, таких, как он сам, единицы.

– Довольно! От твоих разговоров и здоровый уснёт, – обрывали его. – Чокнулся ты, как и твой Будда.

Учитель, насупившись, смолкал. Сняв очки, он начинал протирать их обшлагом пиджака. Человек он был немолодой, выпустивший не одно поколение школьников и всем хорошо известный. Его хлопали по плечу.

– Да ты не сердись, все же взвинчены. И хватит умничать. Делать-то чего?

Учитель пожимал плечами. На этом беседа обрывалась. Но однажды её продолжил мордатый ночной сторож из портового склада.

– То-то и оно. И не так всё безопасно, как говорит врач. Разве тебе не случалось во сне убивать? Хоть раз всем доводилось. И воровать. И насиловать. Тогда в ужасе просыпаешься, ну, я так точно. А у них, – так он назвал заболевших, подсознательно отделив от здоровых, – это может случиться и наяву. Запросто! Раз они не различают сна и яви, сам сказал. Мало ли что ему в голову придёт: возьмёт ружьё и застрелит. Грач-то, небось, не утратил навыков с полста шагов попадать в глаз белке. А как их судить? По совести, никак – каждому может пригрезиться. Нет, надо срочно ввести карантин. На первых порах провести перепись... – Он запнулся. – Сомнамбул – подсказал учитель. – Ну да, их. А потом согнать в старый рыбацкий посёлок и отгородить.

– Колючей проволокой, что ли? – хмыкнул учитель.

– А хоть бы и ей. В целях безопасности. Им самим так будет лучше. Опять же дома там одноэтажные, для них в самый раз. – Учитель посмотрел непонимающе. – Ну как же, не дай бог, во сне выйдут через окно, так не разобьются. В общем, и нам спокойнее, и их уберём от греха. Разве нет?

Учитель пожал плечами.

– В посёлок, говоришь. Там же Варгины живут, пока никому не мешают.

– Вот именно – пока! Откуда ты знаешь, что они завтра выкинут? К ним надо таких же подселить, пусть сами разбираются.

Допив рюмку, учитель нацепил очки и сухо откланялся. А вечером того же дня мордатый сторож проспал свою смену. Не вышел он на работу и на следующий день, пополнив список сомнамбул, став в нём номером N. Обследовавший его врач сразу увидел хорошо знакомые ему симптомы и сходу вынес неутешительный приговор. Безжалостно, как умеют это делать врачи. Мясистое лицо ночного сторожа исказил страх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.